

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-112-150

Научная статья / Research paper

С.К. Песцов*

**ДЕБАТЫ О ПЕРЕМЕНАХ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока»,
Дальневосточное отделение Российской академии наук
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89*

За несколько последних десятилетий благодаря стремительному экономическому подъему международный вес и авторитет Китая заметно возросли. Сам этот подъем во многом был обусловлен взвешенной и прагматичной внешней политикой, которой страна последовательно придерживалась с середины 1970-х годов. В последние годы, однако, внутри и за пределами Китая стала набирать силу дискуссия, порожденная представлениями о том, что КНР вступила в эпоху кардинальной трансформации взглядов на себя, свое место в мире и, как следствие, свое поведение на международной арене.

Число участников этой дискуссии растет вместе с увеличением количества мнений и аргументов в поддержку той или иной позиции. За пределами Китая эта дискуссия вращается вокруг нарратива напористости. Внутри страны спор преимущественно идет между защитниками традиционного подхода «держаться в тени» (*таогуан янхуэй*) и сторонниками новой стратегии «стремления к достижениям» (*фенфа ювэй*). В данной статье представлен вариант упорядочения содержательного пространства дискуссии о современной внешней политике Китая, развернувшейся в англоязычных международно-политических исследованиях, позволяющий сопоставить различные точки зрения и

---

* Песцов Сергей Константинович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (e-mail: skrfox@yandex.ru).

оценить аргументы и доводы, на которые они опираются. Для этого автор предлагает использовать матрицу, сформированную на основании двух критериев: наличие перемен (признание/отрицание данного факта); оценка соответствующих возможных эффектов и последствий (позитивная/негативная). Подобный подход, неизбежно влекущий за собой определенное упрощение и схематизацию взглядов участников дискуссии, тем не менее, выгодно отличается от традиционных, более нарративных попыток ее описания и концептуализации благодаря четкости и прозрачности методологических установок, позволяющих более рельефно обозначить содержательное ядро рассматриваемых позиций. Всё это расширяет возможности для более взвешенных и достоверных суждений относительно обоснованности тех или иных оценок, понимания текущего состояния и вероятных трендов эволюции международной политики и поведения Китая.

Проведенное исследование позволяет заключить, что, хотя рассматриваемая дискуссия далека от завершения, большинство ее участников сходятся в признании факта качественной трансформации внешнеполитической линии КНР. Тренд в сторону большей настойчивости внешней политики Пекина отчетливо обозначился во второй половине 2000-х годов и с тех пор неуклонно набирает силу. Именно эта трансформация, не исключая сохранения значительной преемственности по отношению к традиционным установкам, признается, таким образом, ключевой особенностью современного внешнеполитического курса КНР. С точки зрения рассматриваемой дискуссии это означает, что на первый план теперь выходят вопросы, связанные с оценкой последствий данной трансформации для Китая, региональной расстановки сил и системы международных отношений в целом.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, внешняя политика КНР, мирный рост, нарратив напористости, «держаться в тени», «стремление к достижениям», трансформация системы международных отношений, формирование нового мирового порядка.

Для цитирования: Песцов С.К. Дебаты о переменах во внешней политике современного Китая (по материалам англоязычных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 112–150. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-112-150.

Sergey K. Pestsov

**DEBATES ON CHANGES
IN THE FOREIGN POLICY OF CONTEMPORARY CHINA
(A CASE STUDY OF THE ENGLISH LANGUAGE
ACADEMIC PUBLICATIONS)**

*Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
89 Pushkinskaya st., Vladivostok, Russia, 690001*

Due to a rapid economic growth over the past several decades China has significantly strengthened its international positions. This growth in its own turn was to a large extent due to a pragmatic and sound foreign strategy that the country has been pursuing since mid-1970s. However, in recent years both within and outside China there has been an on-going debate on the alleged radical transformation of the PRC's perceptions of its national interests, its place in world politics, and its foreign policy.

The variety of opinions becomes increasingly complicated as the number of discussants grows and new arguments are adduced in support of different positions. Whereas outside China this debate structures around the narrative of the Chinese assertiveness, within the country the main dispute is between the advocates of a traditional policy of 'keeping a low profile' (*taoguang yanghui*) and proponents of a new 'striving for achievements' (*fenfa youwei*) strategy. The present paper aims to provide a framework for a systematization of debates on the contemporary foreign policy of China in the English language academic literature based on two criteria: whether a researcher admits that the Chinese foreign policy is changing and how he assesses implications of these changes. Such an approach undoubtedly entails certain schematization of the presented views and arguments. However, it differs favorably from traditional, more narrative approaches to conceptualization of the debate since it establishes a clear, transparent theoretical framework aimed to identify the substantive core of the presented views. This, in turn, can bring about a better understanding of the current state and possible evolution of Chinese foreign policy in general.

The author concludes that although these debates are far from being over, most researchers admit the PRC's foreign policy strategy is undergoing a radical transformation. Since the latter half of 2000s there has been a steady trend in the foreign policy of China towards greater assertiveness. At the same time this transformation ensures continuity of the basic principles of Chinese diplomacy. All this means that further debates on the Chinese foreign policy should focus primarily on potential implications of this transformation for the PRC, the regional dynamics and international relations system as a whole.

Keywords: China, Xi Jinping, foreign policy of the PRC, peaceful rise, assertive China narrative, keeping a low profile, striving for achievements, international relations system transformation, new world order.

About the author: *Sergey K. Pestsov* — Doctor of Sciences (Political Science), Chief Research Fellow at the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: skpfox@yandex.ru).

For citation: Pestsov S.K. 2021. Debates on changes in the foreign policy of contemporary China (A case study of the English language academic publications). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 112–150. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-112-150. (In Russ.)

Повышение международного веса КНР вместе с ее стремительным экономическим подъемом в течение нескольких последних десятилетий является общепризнанным фактом. Сам этот подъем тесно связан с прагматичной внешнеполитической стратегией, которой страна последовательно придерживалась с конца 1970-х годов [Грачиков, 2015b: 209–210]. По прошествии трех десятилетий внутри и за пределами Китая всё более явно набирают силу дебаты, порожденные представлениями, что он вплотную подошел к рубежу (или уже преодолел его), кардинально меняющему его взгляд на себя, свое место в мире и, как следствие, его поведение на международной арене [Lang, 2004; Kerr et al., 2008; Zhou, 2016; Poh, 2017; Turcsányi, 2018; Chinese scholars and foreign policy..., 2019]. Не остаются в стороне от обсуждения этой актуальной темы и всё более широкие круги представителей отечественной науки о международных отношениях [Корсун, 2002; Мамонов, 2010; Портяков, 2011; 2019; Лузянин, 2012a, 2012b; Лексютин, 2014; Грачиков, 2015a; Денисов, 2017].

Интерес и внимание в этом случае неудивительны. Когда государство меняет свою внешнюю политику, это может иметь серьезные последствия для него самого, для других членов мирового сообщества и международной политической системы в целом. «Отношения между странами устанавливаются и развиваются на основе того, что понимается под шаблонным поведением. Когда эти паттерны нарушаются, прерываются или обращаются вспять, последствия могут ощущаться по всей системе, порождая большой конфликт

и неопределенность между государствами, наиболее затронутыми серьезными изменениями статус-кво» [Volgy, 1994: 24]. С учетом размеров и того веса, который к настоящему времени Китай приобрел в мире, пристальное и часто настороженное внимание к любым, даже незначительным переменах в его поведении является неизбежным и вполне объяснимым. Вместе с тем теоретическое исследование изменений внешней политики как отдельной проблемной области сегодня всё еще относительно новое явление¹. Несмотря на постоянно растущее число работ и появление целого ряда теоретических моделей для объяснения подобного феномена, многие концептуальные вопросы по-прежнему остаются дискуссионными [Grossman, 2005].

Современные дебаты о переменах — реальных или предполагаемых — во внешней политике КНР продолжаются вот уже более 10 лет. Число их участников как внутри самого Китая, так и далеко за его пределами непрерывно растет, как и количество аргументов в поддержку той или иной позиции. Одновременно с этим расширяется круг смежных проблем, приобретающих актуальность в зависимости от того или иного ответа на вопрос, меняется или нет внешняя политика современного Китая. Если да, то насколько существенно и радикально? С чем связаны и чем обуславливаются перемены или их отсутствие? Каково соотношение традиций и инноваций? Насколько устойчивы тренды стабильности или, наоборот, изменений? Какими могут быть последствия для отдельных участников и международной системы в целом? Как следует реагировать тем или иным акторам на международной арене в различных ситуациях и контекстах? Это далеко не все вопросы, которые так или иначе затрагиваются в дебатах о внешней политике современного Китая, существенно усложняя их общую картину и результаты. Одновременно с этим сама продолжительность дискуссии указывает на то, что основу споров составляют не только факты, но и, в не меньшей степени, противоречивые предположения и ожидания.

Из всего множества перечисленных вопросов в фокусе данной статьи находится только один: наблюдаются или нет в текущей внешней политике Китая сколько-нибудь заметные (существенные) перемены? Более ясное понимание того, в чем совпадают и в чем

---

¹ Начало исследованию внешнеполитических изменений как отдельного предмета, на важность которого первым обратил внимание Дж. Розенау, было положено в 1970-е годы [Rosenau, 1976].

расходятся разнообразны точки зрения и позиции по этому вопросу, что выступает в каждом случае основой для соответствующих умозаключений и выводов и, наконец, насколько каждый из подходов логически обоснован, вряд ли возможно без некоторой систематизации и упорядочения содержательного пространства имеющейся дискуссии. Данная работа предлагает один из возможных подходов к дифференциации и группировке оценочных суждений относительно перемен в современной китайской внешней политике, который позволяет, с одной стороны, прояснить различия позиций и то, чем они обуславливаются, а с другой — идентифицировать возможное пространство совпадающих представлений. Тем самым он создает некоторое дополнительное основание для взвешенных и обоснованных суждений по поводу текущего состояния и вероятных трендов эволюции международной политики и поведения Китая.

Перемены во внешней политике современного Китая: аналитический шаблон

Споры о переменах либо сохранении преемственности во внешней политике современного Китая идут давно, периодически обостряясь после некоторого предшествующего затишья. Внутри страны первый тур связанной с этим полемики пришелся на 2002–2006 гг., за которым в 2009–2011 гг. последовал новый ее всплеск [Портяков, 2012]. В последнем случае дискуссия вышла далеко за пределы Китая, а с приходом к власти в КНР руководства пятого поколения проблема изменений во внешней политике государства прочно вошла в число наиболее актуальных и практически значимых. Неудивительно в этой связи и то многообразие мнений, с которым неизбежно сталкивается любой обращающийся к этой теме.

Одни в этой дискуссии приходят к выводу о начавшихся принципиальных переменах в общей внешнеполитической стратегии Китая. Подтверждение этого они обнаруживают в его фактическом поведении, новых идеях, артикулируемых руководством, в тех или иных концепциях, приобретающих популярность в китайской академической среде и общественном мнении. Согласие с этим выводом, однако, не ведет к единодушию в оценках возможных эффектов и последствий таких перемен, разделяя тех, кто усматривает в них главным образом опасность и угрозу, и тех, кто оценивает их как факт неизбежный, естественный и позитивный. Другие, опираясь на собственную интерпретацию фактов, заявлений и мнений, настаива-

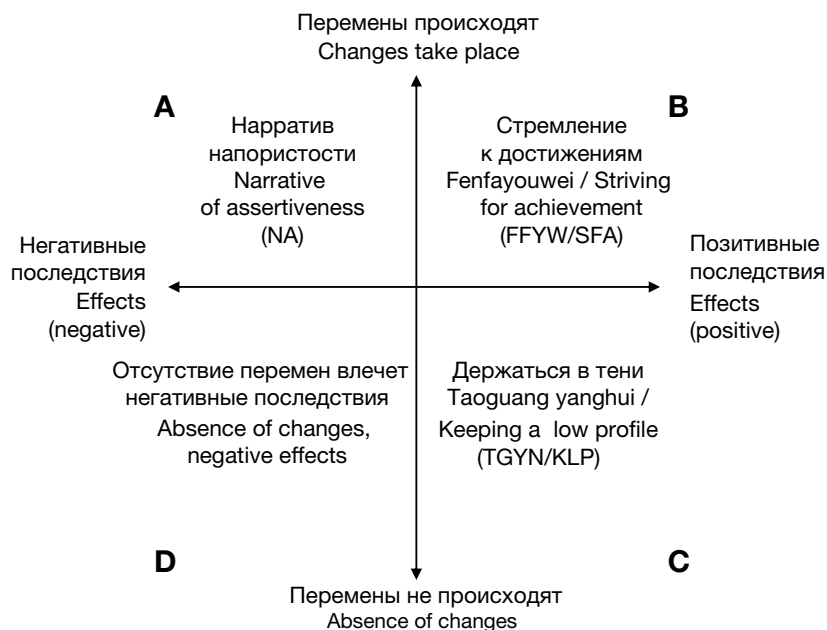
ют на сохранении преемственности в китайской внешней политике, утверждая, что ее естественная эволюция вместе с поступательным развитием страны и мира не приводит к появлению чего-то принципиально нового. Но, опять же, отрицание отсутствия существенных перемен в поведении и международной политике Пекина не означает согласия в оценках этого вывода, прежде всего для самого Китая.

Всё это дает возможность использовать для дифференциации существующего многообразия подходов и мнений в рамках дискуссии о внешней политике современной КНР два достаточно простых критерия: (а) наличие перемен (признание/отрицание); (б) оценка соответствующих возможных эффектов и последствий (позитивные/негативные). В результате появляется матрица 2×2, которая фиксирует различия четырех основных подходов (рисунок).

Они представлены аргументами: (А) подтверждающими начавшиеся перемены и их в основном негативные последствия для мира, отдельных его членов и/или для самого Китая; (В) признающими происходящие изменения (соглашающимися с их необходимостью) и преимущественно позитивные их эффекты; (С) отрицающими наличие (необходимость) каких-либо серьезных перемен, связывающими это с большей вероятностью позитивных последствий; и (D) характеризующими внешнюю политику Китая как сохраняющую прежнее свое содержание с одновременным указанием на недостатки и издержки такой стратегии.

При этом необходимо сделать несколько оговорок. Во-первых, данная схема не предполагает группировки конкретных исследователей, специалистов и экспертов в соответствии с занимаемой ими позицией по рассматриваемой проблеме в тот или иной конкретный период времени. Вместо этого она дает возможность систематизировать аргументы в пользу соответствующей позиции, количество которых, уменьшаясь или увеличиваясь с течением времени, позволяет оценить ее обоснованность. Во-вторых, следует признать, что дифференциация, предлагаемая данной схемой, является в некоторой степени упрощением и условностью. В первую очередь это связано с объективной сложностью типологизации многомерных концептов, каковым, безусловно, является внешняя политика. Это понятие включает множество компонентов — от идейных оснований и стратегических нарративов до переговорных тактик и дипломатического стиля. Каждый из составляющих внешнюю политику компонентов отличается разной степенью стабильности

и изменчивости. Они могут трансформироваться согласованно и независимо друг от друга. Но довольно часто встречающаяся констатация того, что одни элементы внешней политики в какой-то степени изменились, в то время как другие нет, хотя и менее уязвима для критики, не дает возможности провести типологизацию и систематизацию позиций в рамках имеющейся дискуссии². Предлагаемая схема, возможно, несколько упрощая общую картину, позволяет это сделать.

Позиции в дискуссии о внешней политике современного Китая

Positions in the ongoing debate on the current foreign policy of China

Источник/Source: составлено автором / compiled by the author.

² Scobell A. Something old, something new. Continuity and change in China's foreign policy. Testimony presented before the U.S.-China Economic and Security Review Commission on September 9, 2020 // RAND Corporation. 2020. Available at: <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CTA774-1.html> (accessed: 08.02.2021).

Наконец, еще одно замечание, более частного характера. Дебаты по вопросу перемен во внешней политике внутри Китая в данном случае рассматривались с опорой главным образом на англоязычные публикации китайских авторов. Это сознательное решение, обусловленное важностью учета в первую очередь тех аргументов и доводов, которые становятся частью общей дискуссии, будучи доступны более широкому кругу специалистов. Кроме того, наличие уже весьма представительного массива качественных публикаций, содержащих глубокий анализ китайских дискуссий по вопросам внешней политики, позволяет не только увидеть общую картину, но и оценить качество и характер аргументации, сопровождающей ту или иную точку зрения, даже без привлечения исследований на китайском языке [Chen, Wang, 2011; Zhang, 2012; Xu etong, 2014; Xu, Du, 2015; Xu, 2016; Pang, 2020].

Современная внешняя политика Китая: содержательная характеристика дебатов

Сектор А. Наличие перемен, негативные последствия. Левый верхний сектор матрицы (А) представлен мнениями и концептуальными построениями, основывающимися не только на том, что китайская внешняя политика вступила в период глубоких перемен, но также на том, что эти перемены влекут по преимуществу негативные эффекты для других членов международного сообщества, региональных и/или глобальных порядков и, как следствие, для самого Китая. Общей основой для многих из этих аргументов выступает нарратив китайской напористости (*assertiveness*), изначально отягощенный главным образом негативными коннотациями.

Появление этого нарратива, довольно быстро превратившегося в популярное и расхожее мнение, по сути, стало одним из триггеров той оживленной дискуссии о характере и причинах предположительного изменения внешней политики Китая, которая с 2009 г. развернулась за его пределами³ [Glaser, Dooley, 2009; Jerdén, 2014; Mastro, 2015]. В соответствии с указанным нарративом неожиданное стремление и готовность Пекина полагаться для достижения своих целей на принудительную дипломатию — комбинацию диплома-

---

³ Swaine M.D. Perceptions of an assertive China // Carnegie Endowment. 03.05.2010. Available at: <https://carnegieendowment.org/2010/05/03/perceptions-of-assertive-china-pub-40724> (accessed: 03.04.2020).

тических методов и ограниченного применения силы — выступает вполне очевидным индикатором радикального отступления от прежней внешнеполитической стратегии.

Изначально данная гипотеза основывалась на соответствующей интерпретации ряда событий 2008–2010 гг. — от резкой реакции Китая на встречу президента Франции Н. Саркози с Далай-ламой и санкционных угроз в отношении американских компаний, поставляющих вооружения Тайваню, до инцидентов в Желтом и Южно-Китайском морях — как фактических доказательств внезапно ставшей более агрессивной и напористой китайской внешней политики [Zhao, 2011: 2; Johnston, 2013]. Согласно нарративу напористости усиление подобной политики представляет собой фундаментальный сдвиг в китайской дипломатии, отход от позиции сдержанности (*taoguang yanghui*) и ориентации на статус-кво, доминировавших в эпоху после Мао Цзэдуна [Jerdén, 2014: 49]. «Со стратегической точки зрения, — полагают сторонники данного подхода, — поведение Китая в 2009–2010 гг. не было “вспышкой”, означавшей кратковременное отклонение от того курса, который до сих пор сводился к увеличению стратегического веса с минимальными региональными последствиями. Скорее это ознаменовало начало более длительного периода, в котором трения и конфликты, возникающие из-за пересекающихся интересов, растущего военного потенциала и региональной тенденции проводить стратегическую политику в военизированной манере, станут обычным явлением» [Bisley, 2011: 70].

Ряд наблюдателей в начале дискуссии заняли несколько более умеренную позицию, полагая, что напористость Китая не сопровождалась более широким новым видением своей внешней политики. Тем не менее они соглашались с наличием всё большего числа свидетельств, указывающих на то, что «время для изменения подхода Китая к международной политике, кажется, настало» [Zhao, 2011: 1]. И для них новая напористость КНР выглядела как активная, поскольку она не была реакцией на изменившуюся политику других игроков. Развивая аргументацию, сторонники данного подхода стали обращать внимание на целый ряд внутренних факторов как вероятных драйверов перемен во внешней политике Пекина — от возросшей уверенности в способностях китайской экономики, которой быстрее и лучше других удалось справиться с последствиями глобального кризиса, до разочарования в «жесткой позиции США», нацеливающих на сдерживание

роста Китая [Zhao, 2011: 5]. Появилось предположение, что китайское правительство занимает агрессивную позицию, добиваясь укрепления внутренней легитимности [Zhang, 2014]. Стали также высказываться мнения, что для восходящей державы, такой как Китай, вполне нормально менять тренд своей политики в сторону большей уверенности/напористости в связи с расширением целей, при этом США и другим странам необходимо приспособливаться к этому явлению [He, Huiyun, 2012].

Однако, несмотря на то что нарратив новой напористости Китая быстро приобрел популярность в западных медиа и общественном мнении, довольно скоро он стал подвергаться сомнению. Оппоненты утверждали, что он представлял собой скорее идеологический штамп или клише, не имеющее серьезных реальных оснований⁴ [Johnston, 2013]. «Большая часть медиа, научных экспертов и академических аналитиков, — пришел к выводу А. Джонстон, один из первых критиков нарратива напористости, — замалчивают важные доказательства, деконтекстуализируют китайскую дипломатию или опираются на плохо определенные причинные аргументы» [Johnston, 2013: 45]. Он выдвинул два важных тезиса, опровергающих представление о напористости Китая. Первый (теоретический) — концептуальная неясность, поскольку «не существует теории международных отношений, которая бы использовала типологию поведения государства, включающую “напористое поведение” в качестве самостоятельной категории». Второй (фактический) — недооценка в ходе анализа степени напористости определенных политик в прошлом и переоценка объема изменений в дипломатии КНР в 2010 г. и после. По мнению А. Джонстона, «большая часть дипломатии Китая в 2010 г. находилась в пределах диапазона внешнеполитических предпочтений, дипломатической риторики и внешнеполитического поведения, установленных в эпоху Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао» [Johnston, 2013: 8, 31–32]. Принимая во внимание, что государство может проявлять напористость по некоторому ограниченному кругу вопросов и оставлять при этом другие важные направления политики без изменений, заключает исследователь, сложно сделать обоснованный вывод относительно беспрецедентного всплеска напо-

---

⁴ Gilsinan K. Cliché of the moment: ‘China’s increasing assertiveness’ // The Atlantic. 25.09.2015. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/south-china-sea-assertiveness/407203/> (accessed: 11.09.2020).

ристости Китая по сравнению с другими периодами после холодной войны [Johnston, 2013: 10, 46].

Эта критика, однако, в некотором роде способствовала укреплению нарратива внешнеполитической напористости Китая.

Во-первых, его сторонники, наращивая фактологическую базу доказательств, стали указывать на постоянно растущее число свидетельств, подтверждающих его обоснованность. В качестве недавних примеров, в частности, были названы: одобрение в мае 2020 г. Всекитайским собранием народных представителей закона о национальной безопасности Гонконга, которым подрывались договорные обязательства Пекина в рамках политики «одна страна, две системы»; мобилизация Народно-освободительной армии Китая в районе спорной границы с Индией, что привело к военным столкновениям в апреле и мае того же года; продолжающиеся морские инциденты в Южно-Китайском море; нарушения воздушного пространства Тайваня; военная активность вокруг островов Сенкаку. Эти и ряд других фактов, как полагают некоторые наблюдатели, прямо указывают на то, что внешняя политика Китая продолжает демонстрировать «поразительный уровень напористости». Более того, хотя движение в более агрессивном направлении эта политика начала ранее, скорость и масштаб сдвигов в последнее время превосходят прогнозы самых осторожных аналитиков. «Это, — считают они, — представляет собой качественный сдвиг в сравнении не только с фазой напористости Китая, которую мы можем датировать до последствий глобального финансового кризиса 2008 г., но и с недавней фазой, которую мы наблюдали уже при руководстве Си Цзиньпина»⁵.

Во-вторых, аргументация, подтверждающая тезис о растущей напористости Китая во внешней политике как свидетельстве ее радикальной трансформации с негативными последствиями, стала расширяться за счет акцентирования внимания на переменах в риторике руководителей страны и ее официальных представителей. Как отмечают некоторые наблюдатели, основываясь на анализе речей и выступлений в ходе XIX съезда Коммунистической партии Китая (КПК) (октябрь 2017 г.), «главный вывод для международно-

---

⁵ Small A., Dhruva J. 'For our enemies, we have shotguns': Explaining China's new assertiveness // War on the Rocks. 20.07.2020. Available at: <https://warontherocks.com/2020/07/for-our-enemies-we-have-shotguns-explaining-chinas-new-assertiveness/> (accessed: 23.02.2021).

го сообщества заключается в том, что Си Цзиньпин чрезвычайно уверен в растущей национальной мощи Китая и видит, что международные тенденции работают в пользу Китая. На фоне расширения глобальных интересов Китая эти оценки предполагают, что международное сообщество может столкнуться с еще более напористым Китаем в ближайшие годы»⁶. Еще одним свидетельством в пользу нарратива напористости многие считают меняющийся в последнее время стиль китайской дипломатии. «Воинственные публичные заявления китайских официальных лиц, — отмечается в этой связи, — не являются новостью, но до недавнего времени они, как правило, исходили не от дипломатов»⁷. Сегодня ситуация изменилась столь радикально, что для ее характеристики стали использовать понятие «дипломатия воинов-волков» (*wolf-warrior diplomacy*)⁸. «Этот новый подход <...>, — констатируют в том числе и китайские авторы, — кажется, пользуется некоторой популярностью в Китае и усиливает предполагаемый переход китайской дипломатии от консервативной, пассивной, сдержанной к напористой, проактивной и заметной»⁹. «Новое поколение молодых дипломатов отказывается от устоявшихся дипломатических норм в пользу агрессивной пропаганды корыстного нарратива Китая <...>, — отмечает один из них. — Это называется дипломатией “воинов-волков”, и это имеет неприятные последствия»¹⁰.

---

⁶ Glaser B.S., Funaiole M.P. The 19th party congress: A more assertive Chinese foreign policy // The Interpreter. 26.10.2017. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/19th-party-congress-more-assertive-chinese-foreign-policy> (accessed: 12.09.2020).

⁷ Charlton B. Beijing's ambitions and assertiveness will grow // Daily Brief. 24.09.2020. Available at: <https://dailybrief.oxan.com/Analysis/DB256448/Beijings-ambitions-and-assertiveness-will-grow> (accessed: 18.01.2021).

⁸ Kausikan B. Zeal and China's wolf warrior diplomacy // Global Brief. 01.06.2020. Available at: <https://globalbrief.ca/2020/06/zeal-and-chinas-wolf-warrior-diplomacy/> (accessed: 21.11.2020); Gokhal V. The changing nature of Chinese diplomacy // The Hindu. 20.05.2020. Available at: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/the-changing-nature-of-chinese-diplomacy/article31626501.ece> (accessed: 11.10.2020).

⁹ Zhu Z. 'Wolf-warrior diplomacy': China's new normal? // ThinkChina. 04.05.2020. Available at: <https://www.thinkchina.sg/wolf-warrior-diplomacy-chinas-new-normal> (accessed: 22.01.2021).

¹⁰ Pei M. Chinese diplomats behaving badly // Project Syndicate. 09.06.2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-reputation-wolf-warrior-diplomacy-covid19-by-minxin-pei-2020-06?barrier=accesspaylog> (accessed: 21.02.2021).

Дополнительным доводом в пользу нарратива напористого Китая стало утверждение о его настойчивом стремлении продвигать собственные нормы и подходы к управлению, используя цифровую цензуру, экономические рычаги для подавления голосов в демократических странах и, в более широком смысле, влияя на демократические системы за рубежом¹¹ [Chinese influence & American interests..., 2018]. Это утверждение привело к появлению концепции «острой силы» (*sharp power*), описывающей специфический «подход к международным делам, который обычно включает усилия по цензуре и использованию манипуляций для подрыва независимых институтов. Не являясь ни “жесткой”, но и не “мягкой”, острая сила имеет своим эффектом ограничение свободы выражения и искажение политической среды...»¹². В рамках этой концепции внимание акцентируется как на том, что в «новую эпоху борьбы Китай стал играть более важную роль на мировой арене», так и на неожиданной способности таких авторитарных государств, как Китай, оказывать влияние за рубежом¹³.

В-третьих, высказанный А. Джонстоном упрек по поводу зыбкости теоретического фундамента, на который первоначально опирался нарратив напористости Китая, не только не подорвал доверие к последнему, но, наоборот, позволил найти дополнительные аргументы в его пользу. Отталкиваясь от утверждений, согласно которым в последние годы Китай усиливает как свою риторику, так и свою фактическую напористость, и признавая, что подобные утверждения довольно часто ограничиваются анекдотическими стычками доводов и опровержений, группа исследователей Центра стратегических

---

¹¹ Benner T., Gaspers J., Ohlberg M. et. al. Authoritarian advance. Responding to China's growing political influence in Europe // GPPI. 05.02.2018. Available at: <https://www.gppi.net/2018/02/05/authoritarian-advance-responding-to-chinas-growing-political-influence-in-europe> (accessed: 20.12.2020).

¹² International Forum for Democratic Studies 'Sharp power: Rising authoritarian influence'. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy, 2017. Available at: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf (accessed: 11.09.2020); Nye J.S. China's soft and sharp power // The Strategist. 08.01.2018. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-soft-sharp-power/> (accessed: 20.12.2020).

¹³ International Forum for Democratic Studies 'Sharp power: Rising authoritarian influence'. Washington, D.C.: National Endowment for Democracy, 2017. P. 2. Available at: www.ned.org/wp-content/uploads/2017/12/Introduction-Sharp-Power-Rising-Authoritarian-Influence.pdf (accessed: 11.09.2020).

исследований в Гааге (HCSS) предприняла попытку разработать согласованную теоретическую модель изучения напористости как основу для формулирования более обоснованных выводов по поводу характера внешней политики не только КНР, но и других государств [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 4]. Предложив скорректированное определение базового понятия «напористость», ученые разработали типологическую схему, позволяющую разграничить, с одной стороны, негативную, нейтральную и позитивную напористость, с другой — напористость объективную и субъективную, которая в свою очередь может выступать в форме фактической или риторической [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 13]. Затем, используя глобальные базы данных событий (GDELT), веб-страниц официальных сайтов министерств иностранных дел (HCSS Off-Base) и релевантных научных статей (EBSCO), они предприняли попытку оценить обоснованность тезиса напористости Китая с опорой на более широкий временной и фактологический фундамент [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 13–16].

Полученные данные позволили исследователям прийти к нескольким важным выводам. Так, они констатируют, что КНР позиционирует себя как великую державу, стремящуюся к мирному подъему, и при этом осуждает напористость и напористое поведение других субъектов, особенно тех, которые угрожают ее интересам. Одновременно с этим «Китай изображает себя великой державой, которая всё больше заявляет о своем национальном величии». Его фактическая напористость возросла больше, чем риторическая, однако позитивная/нейтральная напористость по-прежнему перевешивает негативную. Также обнаружено мало доказательств негативной военной напористости, равно как и позитивной/нейтральной экономической китайской напористости [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 31, 49]. Напористость Китая «наиболее твердо (и всё чаще) выражается в вопросах территориального суверенитета и, как правило, проявляется на региональном уровне» [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 26]. Наконец, делают вывод авторы исследования, напористость КНР во многом оставалась неизменной в течение длительного времени, и этот факт, как правило, указывает на то, что она «может быть не такой недавней, как утверждают многие “западные” специалисты» [De Spiegeleire, Chivot, 2014: 26].

К аналогичным выводам пришел и автор недавнего исследования, основанного на ретроспективном анализе поведения Пекина в ходе морских инцидентов в Южно-Китайском море. Как отмечает эксперт,

«напористость КНР в Южно-Китайском море усиливалась в той или иной форме почти каждый год с 1970 г. и каждый год с 1990 г.», т.е. отнюдь не является какой-то новацией [Chubb, 2020/21: 97, 119].

Всё это ясно говорит о том, что напористость Китая и использование им в своей внешней политике принуждения, скорее всего, сохранятся и в обозримом будущем. Этот тренд является результатом преднамеренного стратегического решения и пользуется всё более широкой поддержкой внутри страны как наиболее эффективная внешнеполитическая стратегия [Mastro, 2015: 153].

Отметим, что российские исследователи при анализе внешней политики и международного поведения современного Китая, как правило, избегают понятия «напористость». Даже соглашаясь с появлением всё большего числа свидетельств, указывающих на очевидные перемены в его внешнеполитической стратегии, только немногие из них и в достаточно осторожной форме указывают на ряд вызывающих опасения последствий таких перемен [Модель развития современного Китая..., 2019: 117–160]. «С практической точки зрения, — отмечает, например, А.В. Лукин, — России было бы удобнее иметь дело с менее “самоуверенным” Китаем, так как сторонники самоуверенности часто вспоминают о якобы существующих российских “территориальных долгах” и считают, что великий Китай может обойтись в мире без каких-либо друзей и партнеров» [Лукин, 2019: 88].

Сектор В. Наличие перемен / позитивные последствия. Если нарратив напористости, отражающий представления о наличии радикальных изменений в китайской внешней политике, чреватых негативными последствиями для международных отношений, наиболее распространен в общественном мнении и академической среде за пределами КНР, то позиция, признающая наличие перемен, но акцентирующая их необходимость, неизбежность и позитивный характер, более характерна для китайских политиков, исследователей и общественности¹⁴.

---

¹⁴ В китайских дискуссиях термин «напористость» не очень популярен и используется в основном в критических публикациях. Наиболее распространенным его эквивалентом может считаться понятие «стремление к достижениям» (*fenfa youwei*). Наряду с этим для характеристики поворота Китая к более активной стратегии внешней политики используют и другие фразы, такие как «быть более активным» (*гэнцзя цзицзи*), «проявлять большую инициативу» (*гэнцзя чжудун*), «активно идти вонне» (*цзицзи цзиньцзюй*).

Конечно, среди сторонников этой точки зрения немало и внешних наблюдателей, которые, соглашаясь с тезисом о напористости, оспаривают обычно подразумеваемый в этом случае негативный подтекст [Christensen, 2011]. Некоторые из них в дискуссии, развернувшейся по поводу растущей китайской напористости, стали высказывать мнение, что напористость — это далеко не то же самое, что агрессия¹⁵, и наряду с наступательной можно говорить об оборонительной и даже конструктивной напористости. При этом все эти разные типы напористости, по их мнению, не обязательно должны исключать друг друга [Chen et al., 2013/14: 177].

И всё же основные аргументы в пользу возможности/необходимости более активной внешней политики, расширяющей перспективы развития КНР без ущерба для существующей системы международных отношений, были выдвинуты в контексте широкой внутренней дискуссии о китайской внешней политике, имеющей продолжительную историю. На разных этапах эта дискуссия разворачивалась вокруг наиболее актуальных тем, связанных с интерпретацией международного окружения и адекватных стратегий внешнеполитического поведения страны [Zhu, 2010]. В современном виде, начиная с середины 1990-х годов, она приобрела характер спора между сторонниками новой стратегии активных действий («стремление к достижениям» — *fenfa youwei / striving for achievement*, FFYW/SFA) и защитниками традиционной политики сдержанности — *taoguang yanghui / keeping a low profile* (TGYH/KLP) [Chen, Wang, 2011; Xu, Du, 2015: 253]. «Дискурс о международной стратегии Китая, — как отмечает Цинь Яцин, — был сосредоточен в основном на одном вопросе: изменилась ли его внешняя политика с 2009 по 2010 г. в результате фундаментального отхода от KLP — важнейшей международной стратегии Китая за последние два десятилетия — и принятия стратегии SFA, где “напористость”, похвальная или уничижительная, является наиболее отличительной чертой и новой определяющей характеристикой изменившейся международной стратегии Китая» [Qin, 2014: 285]. При этом, хотя связь подобных споров с реальной политикой Пекина трудно установить [Zheng, 2016], сам факт наличия такой дискуссии используется в качестве дополнительного

---

¹⁵ Напористость и агрессия пересекаются только в некоторых контекстах. По большей части это два разных типа поведения [Hollandsworth, 1977].

аргумента для обоснования своей позиции сторонниками тезиса о китайской напористости¹⁶.

Новые тенденции во внешней политике Китая, по мнению одних, стали очевидны на рубеже 2004–2005 гг., которые «войдут в историю как поворотный момент в развитии китайской дипломатии» [Lam, 2007: 160]. Другие в качестве рубежа появления «напористой дипломатии» КНР называют 2009 год [He, Huiyun, 2013: 210]. Третьи убеждены, что такого рода перемены, равно как и перелом в ожесточенных дебатах между сторонниками FFYW и TGYH, произошел в 2010 г. после инцидента, связанного с задержанием японскими пограничниками китайского траулера в спорных водах вокруг остров Сенкаку/Дяоюйдао. Наконец, много внимания уделяется в этом контексте роли Си Цзиньпина. В этой связи отмечается, что именно его приход к власти привел к трансформации китайской внешней политики из «несогласованной и ни к чему не обязывающей в более скоординированную, активную, творческую и напористую» [Ferdinand, 2016: 942], положив конец предшествовавшей эпохе «бездействия» (*у вэй*) Ху Цзиньтао¹⁷. Окончательно этот переход был зафиксирован выступлением Си Цзиньпина на Рабочей конференции по дипломатии в отношении соседних государств (Working Conference on Neighbouring State Diplomacy) в октябре 2013 г.¹⁸ В этом выступлении Си Цзиньпин официально представил стратегию стремления к достижениям (*fenfa youwei* — FFYW), дав сигнал о трансформации внешней стратегии Китая [Xuetong, 2014: 154; Sørensen, 2015; Demir, 2019].

Начавшиеся перемены, по мнению сторонников FFYW, имеют под собой объективную основу. Одним из важнейших обстоятельств в этом смысле выступает растущая национальная мощь Китая. В на-

---

¹⁶ Следует заметить, что в действительности дискуссия между защитниками *taoguang yanghui* и сторонниками *fenfa youwei* содержательно охватывает не только собственно набор тактических принципов внешней политики, сформулированный Дэн Сяопином, но и более фундаментальные положения, закрепленные в пяти принципах мирного сосуществования [Zheng, 2016; Liu R., Liu F., 2016].

¹⁷ Cary E., Cheng L. The last year of Hu's leadership: Hu's to blame? // Brookings. 20.12.2011. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/the-last-year-of-hus-leadership-hus-to-blame/> (accessed: 03.04.2020).

¹⁸ Тем не менее ряд китайских специалистов считают, что именно под руководством Ху Цзиньтао Китай перешел к более активной внешней политике. При нем, по мнению Юань Пэна, началась смена акцентов в формуле Дэн Сяопина с необходимости «скрывать способности и ждать своего времени» на «стремление к достижениям» [Bhattacharya, 2015: 79–80].

стоящий момент она «достигла точки, когда пришло время “активно что-то делать”, что является последней частью максимы выживания Дэн Сяопина»¹⁹. По мере роста национальной мощи КНР с неизбежностью происходит расширение ее национальных интересов и растет потребность в их защите. Соответственно Китай не может вести себя пассивно, как это было в 1990-х годах [Su, 2009; Zhang, 2009]. Он не может «скрывать свою яркость», как слон не может спрятаться за деревом. И чем дольше Пекин будет продолжать пытаться это делать, тем больше он будет порождать недоверие» [Ye, 2002]²⁰. Другими словами, с течением времени стратегия Китая будет и должна меняться. «ТГУН как *де-факто* дипломатическая стратегия просто не может быть механически ассимилирована в своем первоначальном значении без адаптации ее к новой позиции Китая в мире и новым международным условиям, с которыми он сталкивается» [Chen, Wang, 2011: 214]. Более того, данная стратегия, по мнению ее критиков, не лишена изъянов и слабостей. Во-первых, ее следует рассматривать как «политику удобства», соответствующую конкретным историческим условиям. Во-вторых, сама ее формулировка, которая обычно переводится как «скрывать свои возможности и выжидать своего времени», с неизбежностью создает путаницу, увеличивает подозрения и ведет к ошибочным представлениям о реальных намерениях Китая [Xiong, 2010].

Всё это, как отмечает, в частности, Янь Сюэтуан, делает потребность в реформе внешней политики КНР настоятельной и необходимой. Основными ее элементами должны стать готовность к противостоянию с другими странами, а не избегание конфликтов по мере увеличения их вероятности; стремление к развитию, а не к сохранению «периода стратегических возможностей», поскольку последнее всегда является пассивным; формирование международного общества, а не просто встраивание в него, и, наконец, отказ от принципов «неприсоединения» в пользу создания «сообщества

---

¹⁹ Ван Л. Юэнань цэн по ши чжунго фан ци нан хай кан тан, жэнь ранг хуан бу лай хэ пин [Вьетнам заставил Китай отказаться от бурения в Южно-Китайском море, терпение не приводит к миру] // Mil. Huanqiu. 20.06.2014. Available at: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJF5SQ> (accessed: 03.04.2020). (In Chinese.)

²⁰ Deng Y. How to understand China's foreign policy // Foreign Policy. 23.04.2013. Available at: <https://foreignpolicy.com/2013/04/23/how-to-understand-chinas-foreign-policy/> (accessed: 03.04.2020).

общей судьбы» [Xuetong, 2014]. Успех такой реформы, убежден Сюй Цзинь, невозможен без развенчания нескольких доминирующих в китайской внешней политике мифов, среди которых: представление о необходимости сохранения Китаем сдержанности; отказ от альянсов; отказ от стремления к лидерству; отрицание цели превращения в сверхдержаву; признание китайско-американских отношений в качестве приоритетных; рассмотрение внешней политики исключительно в качестве инструмента экономического развития. Все эти мифы должны быть отброшены, поскольку новая эра требует новых идей [Ху, Ду, 2015]²¹.

В сфере практической политики к числу свидетельств всё более очевидного сдвига в поведении Китая от прежней «сдержанности» к «большей решительности», по мнению многих китайских и зарубежных экспертов, могут быть отнесены его более жесткий подход к территориальным спорам с соседними странами [Zhou, 2016]; большой интерес к различным «горячим точкам» и большая настойчивость в ООН; стремление активно участвовать в глобальном экономическом управлении²²; многочисленные визиты китайских лидеров по всему миру и расширение «форумной дипломатии» для привлечения на свою сторону государств в самых разных регионах мира; всё более настойчивые требования формирования нового типа отношений с США²³. К этим же свидетельствам можно отнести эйфорию и триумфализм, пронизывавшие доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК²⁴. «Все основные черты новой внешней политики Китая, — констатирует Чжан Баохуэй, — указывают на то, что Китай считает себя растущей мировой державой» [Zhang, 2010: 61].

---

²¹ Chen D. Chinese foreign policy needs major reform. Tao Guang Yang Hui or Fen Fa You Wei? This is the question for China // *The Diplomat*. 21.08.2021. Available at: <https://thediplomat.com/2014/08/chinese-foreign-policy-needs-major-reform/> (accessed: 03.02.2021).

²² Ван Л. Указ. соч.

²³ Perlez J. Chinese president to seek new relationship with U.S. in talks // *The New York Times*. 28.05.2013. Available at: www.nytimes.com/2013/05/29/world/asia/china-to-seek-more-equal-footing-with-us-in-talks.html?pagewanted=all&module=Search&mabReward=relbias%3As%2C%7B%221%22%3A%22RI%3A10%22%7D (accessed: 23.01.2021).

²⁴ Zhang F. Striving for power: Chinese foreign policy in Xi Jinping's 'new era' // *Aspistrategist*. 13.11.2017. Available at: <https://www.aspistrategist.org.au/striving-for-power-chinese-foreign-policy-in-xi-jinpings-new-era/> (accessed: 02.07.2020).

Стратегия «стремления к достижениям», уверен Янь Сюэтунь, уже внесла большой вклад в улучшение международного положения КНР [Xuetong, 2014]. Двусторонние отношения с США, по его мнению, стали более стабильными, потому что и Пекин, и Вашингтон теперь допускают структурный конфликт и, следовательно, исключают завышенные и необоснованные взаимные ожидания, которые в итоге оборачиваются лишь разочарованием [Xuetong, 2014: 183]. Основные конкуренты Китая, полагает исследователь, всё больше приспособляются к его интересам как раз благодаря растущей напористости внешней политики. Залогом успеха в этом случае выступает стремление КНР к стратегическому партнерству, которое исходит не из погони за прибылью, а из политических соображений [Mastro, 2015: 160]. Возможные негативные эффекты в связи с происходящей трансформацией внешнеполитической стратегии, полагают сторонники FFYW, являются объяснимыми и преходящими. Так, осязаемое беспокойство Соединенных Штатов и некоторых соседних стран, говорят они, вполне естественно, но не опровергает эффективности новой стратегии. Многие страны «привыкли к слабому и уступчивому (*жэнь жу фу чжун*) Китаю, поэтому они по понятным причинам поражены недавней тенденцией его ответа». Но они будут приспособляться, а стратегия не должна меняться [Mastro, 2015: 160].

Вместе с тем, поддерживая более активный внешнеполитический подход, ряд китайских специалистов призывают к осторожности. Китаю, отмечают они, нужно «научиться использовать свою силу, чтобы вызывать уважение, не проявляя излишней сварливости или гордости. Это критический период для подъема Китая, и последнее, что нужно стране, — это спровоцировать надежное балансирование, призванное помешать подъему Китая»²⁵.

Таким образом, «появление более напористого Китая неизбежно, но эта напористость не должна быть плохой для остального мира. Есть обоснованные причины для беспокойства, если Китай начнет применять наступательный напористый внешнеполитический подход, но мы видим мало свидетельств этого» [Chen et al., 2013/14: 180]. Тем не менее «Запад должен быть полностью подготовлен к

---

²⁵ Чжан Л. Чжунго вай цзяо фэн ге чжуань син сю цзинь шэнь [При изменении дипломатического стиля Китая необходимо проявлять осторожность] // The Financial Times. 17.12.2013. Available at: <http://www.ftchinese.com/story/001053962> (accessed: 23.05.2020). (In Chinese.)

пониманию новой великой стратегии Китая и <...> придумать свою собственную великую стратегию²⁶.

От себя заметим, что к этой позиции близка точка зрения большей части российских специалистов. Как и многие китайские исследователи, признавая факт заметных перемен во внешней политике современного Китая, они либо избегают каких-либо оценочных мнений [Портяков, 2019], либо приходят к выводу, что «доминирующим мотивом для нового китайского руководства останется сохранение стабильности внутри страны и за её пределами как обязательное условие дальнейшего реформирования и развития страны» [Лузянин, 2012а: 314]. Другими словами, «внешняя политика КНР становится более активной, оставаясь не вызывающей» [Мамонов, 2010: 49–50].

Сектор С. Отсутствие перемен / позитивные эффекты. Данный сектор объединяет достаточно разнородные позиции зарубежных и китайских специалистов, которые не находят сколько-нибудь значимых подтверждений перемен, происходящих во внешней политике Китая, или рассматривают некоторые инновации в этой сфере как проявления естественного эволюционного процесса, отличающегося непрерывностью. Одновременно они либо отрицают какие-либо издержки, связанные с сохранением Китаем его прежней внешнеполитической стратегии, либо даже настаивают на выгодности этого сценария для него самого и всей системы международных отношений.

Уже упоминавшийся ранее А. Джонстон, один из первых критиков нарратива «напористого Китая», прямо заявил, что «Китай не становится более напористым в относительном выражении по сравнению с прошлым». Более того, «вводящая в заблуждение популярная версия напористости Китая, — по его мнению, — опасна, потому что может привести к принятию США контрпродуктивной политики против Китая» [Johnston, 2013: 8]. Вслед за ним и другие зарубежные наблюдатели стали сообщать о безуспешности поисков новой китайской напористости, придя к выводу, что внешняя политика КНР за прошедшие годы не претерпела кардинальных изменений [Reeves, 2013; Jerdén, 2014]²⁷. «Мы должны обращать

---

²⁶ Chen D. China has a new grand strategy and the West should be ready // The Diplomat. 31.10.2017. Available at: <https://thediplomat.com/2017/10/china-has-a-new-grand-strategy-and-the-west-should-be-ready/> (accessed: 13.02.2021).

²⁷ Rumi A. Where is China's foreign policy headed // Nippon. 15.06.2012. Available at: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a00802/> (accessed: 03.04.2020).

внимание не только на то, что люди говорят, — как особо было подчеркнуто в одной из работ, посвященных данной теме, — но и на то, что они делают. <...> Изменение того, что люди говорят и пишут, не должно неизбежно и прямо приводить к изменению их поведения. Ряд сообщений о новой напористости Китая, возможно, допускают эту “дискурсивную ошибку” и ошибочно принимают изменения в китайских неофициальных дискурсах за изменения во внешней политике» [Jerdén, 2014: 80].

В дискуссиях внутри КНР защитники *taoguang yanghui* настаивают не только на неизменности проводимой страной внешней политики, по крайней мере в основных ее проявлениях, но и на необходимости (выгоде) сохранения приверженности принципам традиционной стратегии. Они рассматривают ТГҮН как основу взаимодействий КНР с остальным миром, которую следует оставить неизменной, потому что Китай по-прежнему очень слаб, а его рост представляет собой продолжительный прогресс. ТГҮН, убеждены эти исследователи, — не тактическая уловка, как многие полагают на Западе, а долгосрочная стратегия. Она, по мнению Ван Юшена, хороша для Китая независимо от его экономического уровня, этапа развития или от его силы²⁸. Многие ссылаются на слова Дэн Сяопина, который утверждал, что «даже если Китай будет хорошо развит и станет сильной нацией в будущем, мы никогда не будем стремиться стать лидером, стремиться к гегемонии, стремиться к сфере влияния, никогда не примкнем к какой-либо фракции в мировой политике, никогда не станем вмешиваться во внутренние дела других народов»²⁹. В соответствии с этой логикой Китай всегда должен сохранять сдержанность и быть скромным. Скромность — это добродетель в китайской культуре. Следование этой стратегии способно обеспечить долгосрочную выгоду Китаю, тогда как стремление к гегемонии не принесет ему ничего хорошего. С этим соглашаются целый ряд китайских авторов, указывающих на «необходимость избегать гегемонистского поведения даже после того, как Китай достиг международного влияния»³⁰.

---

²⁸ Sun B. Tao Guang Yang Hui as a strategy — is China a threat? // Sun-bin. 04.07.2005. Available at: <http://sun-bin.blogspot.ru/2005/07/is-china-threat-iii.html> (accessed: 22.01.2021).

²⁹ Ibidem.

³⁰ Godement F. China's neighbourhood policy: A CICIR roundtable // China's Neighbourhood Policy. China Analysis. ECFR.EU. February 2014. Available at: <https://www.>

Более того, полагают некоторые китайские исследователи, потребность в изменении внешнеполитической стратегии пока отсутствует, поскольку не изменился ни внутренний контекст, но международный статус КНР как крупнейшей развивающейся страны мира [Shi, 2018]. Несмотря на большие перемены на международной арене, Китай всё еще недостаточно силен, чтобы противостоять крупным державам, которые продолжают играть ведущую международную роль. Он по-прежнему является развивающейся страной, которая находится на начальной стадии социализма и сталкивается с множеством проблем в ходе своего мирного развития и модернизации. На международной арене Китай должен продолжать «скрывать свою яркость», чтобы не дать никому оснований для нападков из-за его «напористой» дипломатии или экономических достижений. И поскольку стране предстоит пройти долгий путь до осуществления национального возрождения, лучшим вариантом будет оставаться в тени [Shi, 2018].

В некоторых случаях защитники ТГҮН прямо указывают на опасность отказа от конкретных установок традиционного подхода к внешней политике [Onnis, 2014: 49–50, 52]. Так, если Китай, добровольно или неосознанно, возьмет на себя лидерскую роль, это может заставить западные государства объединиться против него, чтобы предотвратить его подъем. Одновременно с этим, жертвуя мирным ростом для реализации внешнеполитических амбиций, Пекин также может потерпеть неудачу в реформировании мирового порядка. Кроме того, принцип отказа от лидерства проистекает из традиционной китайской политической философии, где утверждается, что «первая птица, которая взлетит, будет убита первой» [Xu, Du, 2015: 262]. Точно так же отказ от следования принципу невмешательства способен подорвать доверие и поддержку Китая со стороны многих развивающихся стран и ведет к ненужным международным обязательствам, выходящим за пределы его возможностей [Zheng, 2016]. Таким образом, заключает Цинь Яцин, основная внешнеполитическая стратегическая КНР — упор на американо-китайские отношения, отказ от союзов, опора на экономическую дипломатию — продолжится даже по мере изменения некоторых политик [Qin, 2014].

При этом сторонники данной точки зрения не отрицают в принципе возможности роста напористости в международном поведении Китая в будущем. «По мере того как его сила и статус в международной системе продолжают расти, — полагают они, — Китай будет становиться всё более напористым» [Chen et al., 2013/14: 178].

Тем не менее в настоящий момент ключевые элементы традиционной внешней политики КНР всё еще сохраняются³¹. Остаются неизменными как основные задачи международной стратегии Китая — создание и поддержание внешней среды, благоприятной для внутреннего развития, — так и средства их решения. Поскольку внутренние дела сохраняют приоритет в международном стратегическом мышлении Пекина, менять эту ориентацию, ставя внешние вопросы выше внутренних, неразумно и нецелесообразно, поэтому «резкий поворот от одной стратегии к другой нецелесообразен, <...> преемственность через изменения является наиболее реалистичным описанием нынешней международной стратегии Китая» [Qin, 2014: 302].

Эти оценки разделяют и значительная часть российских экспертов [Лексютина, 2014: 138]. В частности, И.Е. Денисов отмечает: «Даже сегодня глубинная неуверенность Китая в собственных силах по-прежнему сдерживает его переход к более амбициозной внешней политике» [Денисов, 2017: 87].

Сектор D. Отсутствие перемен / негативные эффекты. В этой части отсутствует сколько-нибудь согласованный и последовательный набор идей или гипотез. Мало кто внутри Китая и за его пределами в рассматриваемой дискуссии опирается на явную критику ТГУН. Даже наиболее последовательные сторонники FFYW предпочитают аргументы, связанные с необходимостью поиска адекватного ответа на новые вызовы и изменение внутреннего и международного контекста. Тем не менее ряд китайских специалистов, хотя и довольно сдержанно, указывают на изъяны внешней политики КНР в духе сдержанности. Как показывает практика, предполагаемые ее преимущества — позитивный международный имидж или большая поддержка со стороны соседних стран — так

---

³¹ Ren Y. Why claims of China's assertiveness are false // Global Times Published. 20.09.2017. Available at: <https://www.globaltimes.cn/content/1067385.shtml> (accessed: 11.08.2020).

и не реализовались [Xuetong, 2014: 161]. Сдержанность КНР, говорят они, не помешала Вьетнаму и Филиппинам бросить вызов суверенитету Китая и не заставила премьер-министра Японии Синдзо Абэ отказаться от посещения храма Ясукуни. Она не повлияла на жесткую конфронтационную позицию США, свидетельством чего являются драматические взлеты и падения в китайско-американских отношениях. Всё это подтверждает неспособность стратегии ТГҮН, при всех ее достоинствах, обеспечить благоприятные условия для развития Китая. Принципы гармоничного сосуществования и мирного развития, по мнению одного из китайских военных аналитиков, не находят отклика во многих странах, и продвижение этих идей Китаем было столь же неэффективным, как «играть корове на цитре» [Mastro, 2015: 160].

Вместе с тем, констатирует Янь Сюэтун, поскольку «основной ценностью ТГҮН выступало накопление богатства, что рассматривается как эгоистичная, а не моральная ценность в каждой цивилизации, эта политика, по сути, подрывает имидж Китая в мире и является вредной для осуществления национального омоложения» [Xuetong, 2014: 184]. И наносимый ею ущерб международному имиджу страны всё более возрастает по мере роста мощи КНР, когда ее отказ от международной ответственности всё в большей степени воспринимается в качестве своекорыстной и безнравственной позиции [Xuetong, 2014: 184]. Наконец, даже если Китай будет продвигать политику, в рамках которой возникающие споры предлагается решать разумным способом, его «основные интересы не могут быть “отложены” для рассмотрения в будущем независимо от того, сколько трудностей они вызывают сейчас» [Mastro, 2015: 160]. Иными словами, даже «при сохранении статус-кво Китай может быть вынужден вести себя агрессивно, если он столкнется со слишком большим давлением со стороны международной системы» [He, Huiyun, 2013: 216].

* * *

Тема перемен во внешней политике Китая в качестве предмета широких академических дебатов не теряет своей актуальности в течение всего последнего десятилетия. Начало им было положено дискуссией 2009–2010 гг., которая после краткого затишья вновь

оживилась в 2012–2013 гг. и продолжается вплоть до настоящего времени. Несмотря на ее незавершенность, сегодня остается всё меньше исследователей, оспаривающих факт перемен во внешней политике современного Китая, представляющих собой, по определению Ч. Херманна, «программный сдвиг», при котором используются новые методы для достижения целей внешней политики государства наряду с интенсификацией уже существующих практик [Hermann, 1990].

По мнению большинства внешних наблюдателей, ситуация явно начала меняться с 2009 г. в результате осознания Китаем своей растущей национальной мощи — процесса, который был значительно ускорен глобальным финансовым кризисом и успешным проведением Олимпийских игр 2008 г. в Пекине³². Попытки анализа и осмысления этой тенденции привели к появлению и всё более широкому распространению дискурса «напористого Китая». Понятие напористости, выступавшее первоначально в качестве содержательно не вполне ясного и эмоционально нагруженного определения, по мере развертывания дискуссии постепенно стало приобретать всё большую концептуальную определенность и инструментальный характер, способствуя, кроме прочего, совершенствованию общей теоретической основы исследований и анализа внешней политики. Одна из первых теоретических моделей напористости была разработана группой исследователей Центра стратегических исследований в Гааге (HCSS) [De Spiegeleire, Chivot, 2013]. Попытки конкретизации концепта и придания ему большей точности получили дальнейшее развитие в ряде последующих исследований, опирающихся как на общие подходы, так и на конкретные кейсы³³ [Hung-Jen, 2018; Zhu, 2019; Chubb, 2020/21].

Еще раньше изменения во внешней политике КНР стали предметом обсуждения в китайской академической среде, результатом чего было появление внутри страны параллельного нарратива перемен как перехода от предшествующей стратегии сдержанности (*taoguang yanghui*) к новой стратегии стремления к достижениям

---

³² Hass R., David M., Rubenstein J.L. The trajectory of Chinese foreign policy: From reactive assertiveness to opportunistic activism // The ASAN Forum. 04.11.2017. Available at: <http://www.theasanforum.org/the-trajectory-of-chinese-foreign-policy-from-reactive-assertiveness-to-opportunistic-activism> (accessed: 09.11.2020).

³³ Zhu Z. Op. cit.

(*fengfa youwei*) [Study on international politics in contemporary China, 2020: 173–176]. По мнению некоторых китайских экспертов, новый тренд во внешней политике Китая стал очевидным в 2004–2005 гг., которые с полным основанием можно рассматривать как «поворотный момент в китайской дипломатии» [Lam, 2007: 160]. Ряд исследователей полагают, что начало нового внешнеполитического курса Китая следует увязывать с 2006 г. [Zhang, 2010]. Завершением же переходного этапа, по признанию многих из них, стала Рабочая конференция КПК по иностранным делам (октябрь 2013 г.), на которой стратегия стремления к достижениям была официально представлена в качестве руководства к действию [Xuetong, 2014].

Сегодня сторонники концепции «напористого Китая» обнаруживают всё большее количество свидетельств, подтверждающих их позицию, включая новые внешнеполитические инициативы Си Цзиньпина; растущую настойчивость китайских дипломатов в отстаивании ими «основных интересов» и имиджа КНР как великой державы; меняющееся поведение Китая в ООН, а также его готовность вступать в споры одновременно с несколькими соседями, чего раньше он всеми силами избегал. Накопление числа подобных фактов, демонстрирующих напористую и всё более заметную внешнюю политику, рассматривается большинством зарубежных наблюдателей как подтверждение серьезного сдвига во внешнеполитическом поведении Пекина³⁴ [Lootz, 2014; Hoo et al., 2017]³⁵. Китайские специалисты, критикующие нарратив напористости, также не отрицают происходящих во внешней политике страны изменений. Этот процесс они часто описывают как «преemptивность через изменения», что подразумевает «существование как preemptивности, так и изменения, хотя первая и преобладает в отношении стратегических целей, проектов и политики Китая в целом» [Qin, 2014: 285]. Продолжающиеся ныне дебаты, таким образом, в гораздо меньшей степени связаны с вопросом, меняются ли внешняя политика и внешнеполитическое поведение Китая или нет. Сегодня на повестку дня выходят новые вопросы: каковы истоки, причины и, самое главное, последствия происходящих перемен.

---

³⁴ Chen K. Should Xi take the blame for China's assertive diplomacy? // The Geopolitics. 12.02.2019. Available at: <https://thegeopolitics.com/should-xi-take-the-blame-for-chinas-assertive-diplomacy/> (accessed: 12.03.2020).

³⁵ Charlton B. Op. cit.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачиков Е.Н. Внешняя политика Китая: стратегии в контексте идентичности и глобальной перспективы // *Международные отношения*. 2015. № 3. С. 290–306. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.314641.
2. Грачиков Е.Н. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс, 2015. DOI: 10.15216/978-5-4365-0419-3.
3. Денисов И.Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // *Контуры глобальных трансформаций*. 2017. Т. 10. № 5. С. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98.
4. Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО, 2002.
5. Лексютина Я.В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. 2014. № 2. С. 138–145.
6. Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая в глобальном и региональном измерении // *Вестник Российской академии наук*. 2012. Т. 82. № 4. С. 307–322.
7. Лузянин С.Г. Китай: внешнеполитические ориентиры (2012–2022). Прогнозно-аналитические сценарии // *Вестник Сибирской академии права, экономики и управления*. 2012. № 1 (5). С. 4–11.
8. Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // *Полис*. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06.
9. Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // *Международные процессы*. 2010. Т. 8. № 3 (24). С. 40–56.
10. Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет; Стратегические изыскания, 2019.
11. Портяков В.Я. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 1. С. 135–149.
12. Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // *Проблемы Дальнего Востока*. 2012. № 5. С. 14–27.
13. Портяков В.Я. О современной внешней политике КНР // *Проблемы российского Дальнего Востока*. 2019. № 1. С. 13–21. DOI: 10.31857/S013128120003917-9.
14. Bhattacharya A. Chinese sphere of influence in the Asian region // *Studies on China. Country-specific study project* / Ed. by M. Gaur. New Delhi: Foreign Policy Research Centre. 2015. No. 3. P. 77–85.
15. Bisley N. Biding and hiding no longer: A more assertive China rattles the region // *Global Asia*. 2011. Vol. 6. No. 4. P. 62–73.

16. Callahan W.A. National insecurities: Humiliation, salvation and Chinese nationalism // *Alternatives*. 2004. Vol. 29. No. 2. P. 199–218. DOI: 10.1177/030437540402900204.

17. Chen D., Pu X., Johnston A. Debating China's assertiveness // *International Security*. 2013/2014. Vol. 38. No. 3. P. 176–183. DOI: 10.1162/ISEC_c_00151.

18. Chen D., Wang J. Lying low no more? China's new thinking on the Tao Guang Yang Hui strategy // *China: An International Journal*. 2011. Vol. 9. No. 2. P. 195–216. DOI: 10.1142/S0219747211000136.

19. Chinese influence & American interests. Promoting constructive vigilance. Report of the working group on Chinese influence activities in the United States / Ed. by L. Diamond, O. Schell. Stanford, California: Hoover Institution at Leland Stanford Junior University, 2018.

20. Chinese scholars and foreign policy. Debating international policy / Ed. by Huiyun Feng, Kai He, Yan Xietong. Routledge, 2019.

21. Christensen T.J. The advantages of an assertive China: Responding to Beijing's abrasive diplomacy // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90. No. 2. P. 54–67.

22. Chubb A. PRC assertiveness in the South China Sea. Measuring continuity and change, 1970–2015 // *International Security*. 2020/2021. Vol. 45. No. 3. P. 79–121. DOI: 10.1162/isec_a_00400.

23. De Spiegeleire S., Chivot E. Assessing assertions of assertiveness: The Chinese and Russian cases. HCSS Strategic Monitor, 2013. HCSS. 2014. DOI: 10.13140/2.1.2697.6322.

24. Demir E. Understanding the transformation in Chinese foreign policy: A historical evaluation from 1949 to 2019 // *Cappadocia Journal of Area Studies (CJAS)*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 6–24. DOI: 10.38154/cjas.11.

25. Feng H., He K. Examining China's assertiveness through the eyes of Chinese IR scholars // *RSIS Working Paper*. 2014. No. 281.

26. Ferdinand P. Westward ho — the China dream and 'One Belt, One Road': Chinese foreign policy under Xi Jinping // *International Affairs*. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 941–957. DOI: 10.1111/1468-2346.12660.

27. Glaser B.S., Dooley B. China's 11th Ambassadorial Conference signals continuity and change in foreign policy // *China Brief*. 2009. Vol. 9. No. 22. P. 7–11.

28. Grossman M. Role theory and foreign policy change: The transformation of Russian foreign policy in the 1990s // *International Politics*. 2005. Vol. 42. P. 334–351.

29. He K., Huiyun F. Debating China's assertiveness: Taking China's power and interests seriously // *International Politics*. 2012. Vol. 49. No. 5. P. 633–644. DOI: 10.1057/ip.2012.18.

30. He K., Huiyun F. Xi Jinping's operational code beliefs and China's foreign policy // *Chinese Journal of International Politics*. 2013. Vol. 6. No. 3. P. 209–231. DOI: 10.1093/cjip/pot010.

31. Hermann C.F. Changing course: When governments choose to redirect foreign policy // *International Studies Quarterly*. 1990. Vol. 34. No. 1. P. 3–21. DOI: 10.2307/2600403.

32. Hollandsworth J.G. Jr. Differentiating assertion and aggression: Some behavioral guidelines // *Behavior Therapy*. 1977. Vol. 8. No. 3. P. 347–352. DOI: 10.1016/S0005-7894(78)80140-3.

33. Hoo T.B. Hardening the hard, softening the soft: Assertiveness and China's regional strategy // *Journal of Strategic Studies*. 2017. Vol. 40. No 5. P. 639–662. DOI: 10.4324/9781315628981-1.

34. Hoo T.B., Mingjiang L., Char J. Introduction to the special issue: New trends in Chinese foreign policy // *Asian Security*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 81–83. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286158.

35. Hung-Jen W. China's assertive relational strategies: Engagement, boycotting, reciprocation, and pressing // *Issues & Studies*. 2018. Vol. 54. No. 3. DOI: 10.1142/S1013251118500066.

36. Jerdén B. The assertive China narrative: Why it is wrong and how so many still bought into it // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. No. 1. P. 47–88. DOI: 10.1093/cjip/pot019.

37. Johnston A.I. How new and assertive is China's new assertiveness? // *International Security*. 2013. Vol. 37. No. 4. P. 7–48.

38. Kaufman A.A. The 'century of humiliation', then and now: Chinese perceptions of the international order // *Pacific Focus*. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–33. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2010.01039.x.

39. Kerr P., Harris S., Yaqing Q. China's 'new' diplomacy: Tactical or fundamental change? Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2008.

40. Lam W.W.-L. Chinese politics in the Hu Jintao Era: New leaders, new challenges. New York: M.E. Sharpe, 2007. DOI: 10.2307/20066347.

41. Lang K. Did China's foreign policy really change in the post-Cold War Era? // *Taiwan Journal of Political Science*. 2004. No. 21. P. 19–47. (In Chinese.)

42. Liu R., Liu F. To ally or not to ally? Debating China's non-alliance strategy in the 21st century // Griffith Asia University. Working Paper Series. 2016. No. 2.

43. Looz M. China's new assertiveness in foreign affairs. *Strategic Outlook*, 2014.

44. Mastro O.S. Why Chinese assertiveness is here to stay // *The Washington Quarterly*. 2015. Vol. 37. No. 4. P. 151–170. DOI: 10.1080/0163660X.2014.1002161.

45. Nien-Chung C.L. The sources of China's assertiveness: The system, domestic politics or leadership preferences? // *International Affairs*. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 817–833. DOI: 10.1111/1468-2346.12655.

46. Nien-Chung C.L. Winds of change: Assessing China's assertive turn in foreign policy // *Journal of Asian and African Studies*. 2018. Vol. 53. No. 6. P. 880–895. DOI: 10.1177/0021909618762477.

47. Onnis B. The new 'selective diplomacy' of the People's Republic of China: Towards a 'partial' interference in global affairs? // *The quandaries of China's domestic and foreign development*. Łódź: Łódź University Press, 2014. P. 43–57.

48. Pang Z. From Tao Guang Yang Hui to Xin Xing. China's complex foreign policy transformation and Southeast Asia. *Trends in Southeast Asia*. No. 7. Singapore: ISEAS — Yusof Ishak Institute, 2020.

49. Poh A., Li M. A China in transition: The rhetoric and substance of Chinese foreign policy under Xi Jinping // *Asian Security*. 2017. Vol. 13. No. 2. P. 84–97. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286163.

50. Qin Y. Continuity through change: Background knowledge and China's international strategy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2014. Vol. 7. No. 3. P. 285–314. DOI: 10.1093/cjip/pou034.

51. Reeves J. China's unraveling engagement strategy // *The Washington Quarterly*. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 139–149. DOI: 10.1080/0163660X.2013.861720.

52. Rosenau J.N. Restlessness, change and foreign policy analysis // *In search of global patterns* / Ed. by J. Rosenau. New York: Free Press, 1976. P. 369–376.

53. Shi Y. Diplomacy with 'correct conception' // *ARCID China Update*. 2018. Vol. 1. No. 1. P. 99–101.

54. Sørensen C.T.N. The significance of Xi Jinping's 'Chinese dream' for Chinese foreign policy: From 'Tao Guang Yang Hui' to 'Fen Fa You Wei' // *Journal of China and International Relations*. 2015. Vol. 3. No. 1. P. 53–73. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v3i1.1146.

55. *Study on international politics in contemporary China* / Ed. by Yuyan Zhang. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2020.

56. Su C. On China's overseas interests // *World Economics and Politics*. 2009. No. 8. P. 13–20.

57. Swaine M.D. China's assertive behavior. Part 1: On 'core interests' // *China Leadership Monitor*. 2010. No. 34.

58. Swaine M.D. China's assertive behavior. Part 2: The maritime periphery // *China Leadership Monitor*. 2011. No. 35.

59. Swaine M.D. China's assertive behavior. Part 3: The role of the military in foreign policy // *China Leadership Monitor*. 2012. No. 36.

60. Turcsányi R.Q. The puzzle of Chinese assertiveness // *Chinese assertiveness in the South China Sea*. Springer International Publishing, 2018. P. 1–29.

61. Volgy T.J., Schwarz J.E. Foreign policy restructuring and the myriad webs of restraint // *Foreign policy restructuring: How governments respond to global change* / Ed. by J.A. Rosati, J.D. Hagan, M.W. Sampson III. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1994. P. 22–42.

62. Wang H. From 'Taoguang Yanghui' to 'Yousuo Zuowei': China's engagement in financial multilateralism // CIGI Paper. 2014. No. 52. P. 1–10.

63. Xiong G. China's diplomatic strategy: Implication and translation of 'Taoguang Yang Hui' // International Strategic Studies. 2010. No. 4. P. 1–4.

64. Xu J. Debates in IR academia and China's policy adjustments // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9. No. 4. P. 459–485. DOI: 10.1093/cjip/pow014.

65. Xu J., Du Z. The dominant thinking sets in Chinese foreign policy research: A criticism // The Chinese Journal of International Politics. 2015. Vol. 8. No. 3. P. 251–279. DOI: 10.1093/cjip/pov002.

66. Xuetong Y. From keeping a low profile to striving for achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7. No. 2. P. 153–184. DOI: 10.1093/cjip/pou027.

67. Xuetong Y. New values for new international norms // China International Studies. 2013. Vol. 38. No. 1. P. 15–28.

68. Ye Z. On 'keeping a low profile' and 'get some things done' // Pacific Journal. 2002. No. 1. P. 62–66.

69. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // Journal of Current Chinese Affairs. 2010. Vol. 39. No. 2. P. 39–68. DOI: 10.1177/186810261003900202.

70. Zhang F. The Tsinghua approach and the inception of Chinese theories of international relations // Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5. No. 1. P. 73–102. DOI: 10.1093/cjip/por015.

71. Zhang J. The domestic sources of China's more assertive foreign policy // International Politics. 2014. Vol. 51. No. 3. P. 390–397. DOI: 10.1057/ip.2014.11.

72. Zhang S. Diplomatic management of national overseas interests // World Economics and Politics. 2009. No. 8. P. 6–12.

73. Zhao S. China's new foreign policy 'assertiveness'. Motivations and implications // ISPI Analysis. 2011. No. 54. P. 1–6.

74. Zheng C. China debates the non-interference principle // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 349–374. DOI: 10.1093/cjip/pow010.

75. Zhou F. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy // International Affairs. 2016. Vol. 92. No. 4. P. 869–890. DOI: 10.1111/1468-2346.12657.

76. Zhu L. China's foreign policy debates // ISS. Chaillot Papers. 2010. No. 121.

77. Zhu Z. A critical decade. China's foreign policy (2008–2018). Series on Contemporary China. Singapore: World Scientific, 2019.

REFERENCES

1. Grachikov E.N. 2015a. Vneshnyaya politika Kitaya: strategii v kontekste identichnosti i global'noi perspektivy [China's foreign policy: Strategies in the context of identity and global perspective]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 290–306. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.314641. (In Russ.)
2. Grachikov E.N. 2015b. *Geopolitika Kitaya: egotsentrizm i prostranstvo setei* [Geopolitics of China: Egocentrism and space of networks]. Moscow, Ru-sains Publ. DOI: 10.15216/978-5-4365-0419-3. (In Russ.)
3. Denisov I.E. 2017. Vneshnyaya politika Kitaya pri Si Tszin'pine: preem-stvennost' i novatorstvo [China's foreign policy under Xi Jinping: Continuity and innovation]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no. 5, pp. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98. (In Russ.)
4. Korsun V.A. 2002. *Vneshnyaya politika Kitaya na poroge XXI veka* [China's foreign policy on the threshold of the XXI century]. Moscow, MGIMO Publ. (In Russ.)
5. Leksyutina Ya.V. 2014. Novoe sodержanie vneshnei politiki Kitaya kak otrazhenie usileniya ego natsional'noi moshchi [New content of Chinese foreign policy as a reflection of its growing national power]. *Vestnik of Saint Petersburg University, series 6*, no. 2, pp. 138–145. (In Russ.)
6. Luzyanin S.G. 2012a. Vneshnyaya politika Kitaya v global'nom i regional'nom izmerenii [China's foreign policy in global and regional aspects]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 82, no. 4, pp. 307–322. (In Russ.)
7. Luzyanin S.G. 2012b. Kitai: vneshnepoliticheskie orientiry (2012–2022). Prognozno-analiticheskie stsennarii [China: Foreign policy guidelines (2012–2022). Forecasting and analytical scenarios]. *Vestnik Sibirskoy akademii prava, ekonomiki i upravleniya*, vol. 5, no. 1, pp. 4–11. (In Russ.)
8. Lukin A.V. 2019. Diskussiya o razvitiy Kitaya i perspektivy ego vneshnei politiki [Discussion on the development of China and prospects for its foreign policy]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06. (In Russ.)
9. Mamonov M. 2010. Inertsiya i novatsii vo vneshnei politike Kitaya [Change and continuity in China's foreign policies]. *International Trends*, vol. 8, no. 3 (24), pp. 40–56. (In Russ.)
10. Voskresenskii A.D. (ed.). 2019. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy* [Model of development of modern China: Assessments, discussions, forecasts]. Moscow, MGIMO Publ. (In Russ.)
11. Portyakov V.Ya. 2011. Vneshnepoliticheskii instrumentarii Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v protsesse peremen [The PRC foreign policy tools in the

process of modification]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 1, pp. 135–149. (In Russ.)

12. Portyakov V.Ya. 2012. Vneshnepoliticheskie zavety Den Syaopina i ikh sovremennaya intepretatsiya [Deng Xiaoping's foreign policy precepts and their modern interpretation]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 5, pp. 14–27. (In Russ.)

13. Portyakov V.Ya. 2019. O sovremennoi vneshnei politike KNR [On modern foreign policy of the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 1, pp. 13–21. DOI: 10.31857/S013128120003917-9. (In Russ.)

14. Bhattacharya A. 2015. Chinese sphere of influence in the Asian region. In: Gaur M. (ed.). *Studies on China. Country-specific study project*. New Delhi, Foreign Policy Research Centre, no. 3, pp. 77–85.

15. Bisley N. 2011. Biding and hiding no longer: A more assertive China rattles the region. *Global Asia*, vol. 6, no. 4, pp. 62–73.

16. Callahan W.A. 2004. National insecurities: Humiliation, salvation and Chinese nationalism. *Alternatives*, vol. 29, no. 2, pp. 199–218. DOI: 10.1177/030437540402900204.

17. Chen D., Pu X., Johnston A. 2013/2014. Debating China's assertiveness. *International Security*, vol. 38, no 3, pp. 176–183. DOI: 10.1162/ISEC_c_00151.

18. Chen D., Wang J. 2011. Lying low no more? China's new thinking on the Tao Guang Yang Hui strategy. *China: An International Journal*, vol. 9, no. 2, pp. 195–216. DOI: 10.1142/S0219747211000136.

19. Diamond L., Schell O. (eds.). 2018. *Chinese influence & American interests. Promoting constructive vigilance*. Report of the working group on Chinese influence activities in the United States. Stanford, California, Hoover Institution at Leland Stanford Junior University.

20. Huiyun Feng, Kai He, Yan Xietong (eds.). 2019. *Chinese scholars and foreign policy. Debating international policy*. Routledge.

21. Christensen T.J. 2011. The advantages of an assertive China: Responding to Beijing's abrasive diplomacy. *Foreign Affairs*, vol. 90, no. 2, pp. 54–67.

22. Chubb A. 2020/2021. PRC assertiveness in the South China Sea. Measuring continuity and change, 1970–2015. *International Security*, vol. 45, no. 3, pp. 79–121. DOI: 10.1162/isec_a_00400.

23. De Spiegeleire S., Chivot E. 2013. Assessing assertions of assertiveness. Are China and Russia really becoming more assertive? *HCSS Strategic Monitor*. HCSS. DOI: 10.13140/2.1.2697.6322.

24. Demir E. 2019. Understanding the transformation in Chinese foreign policy: A historical evaluation from 1949 to 2019. *Cappadocia Journal of Area Studies (CJAS)*, vol. 1, no. 1, pp. 6–24. DOI: 10.38154/cjas.11.

25. Feng H., He K. 2014. Examining China's assertiveness through the eyes of Chinese IR scholars. *RSIS Working Paper*, no 281.

26. Ferdinand P. 2016. Westward ho — the China dream and ‘One Belt, One Road’: Chinese foreign policy under Xi Jinping. *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 941–957. DOI: 10.1111/1468-2346.12660.

27. Glaser B.S., Dooley B. 2009. China’s 11th ambassadorial conference signals continuity and change in foreign policy. *China Brief*, vol. 9, no. 22, pp. 7–11.

28. Grossman M. 2005. Role theory and foreign policy change: The transformation of Russian foreign policy in the 1990s. *International Politics*, vol. 42, pp. 334–351.

29. He K., Huiyun F. 2012. Debating China’s assertiveness: Taking China’s power and interests seriously. *International Politics*, vol. 49, no. 5, pp. 633–644. DOI: 10.1057/ip.2012.18.

30. He K., Huiyun F. 2013. Xi Jinping’s operational code beliefs and China’s foreign policy. *Chinese Journal of International Politics*, vol. 6, no. 3, pp. 209–231. DOI: 10.1093/cjip/pot010.

31. Hermann C.F. 1990. Changing course: When governments choose to redirect foreign policy. *International Studies Quarterly*, vol. 34, no. 1, pp. 3–21. DOI: 10.2307/2600403.

32. Hollandsworth J.G.Jr. 1977. Differentiating assertion and aggression: Some behavioral guidelines. *Behavior Therapy*, vol. 8, no. 3, pp. 347–352. DOI: 10.1016/S0005-7894(78)80140-3.

33. Hoo T.B. 2017. Hardening the hard, softening the soft: Assertiveness and China’s regional strategy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 40, no. 5, pp. 639–662. DOI: 10.4324/9781315628981-1.

34. Hoo T.B., Mingjiang L., Char J. 2017. Introduction to the special issue: New trends in Chinese foreign policy. *Asian Security*, vol. 13, no. 2, pp. 81–83. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286158.

35. Hung-Jen W. 2018. China’s assertive relational strategies: Engagement, boycotting, reciprocation, and pressing. *Issues & Studies*, vol. 54, no. 3. DOI: 10.1142/S1013251118500066.

36. Jerdén B. 2014. The assertive China narrative: Why it is wrong and how so many still bought into it. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 7, no. 1, pp. 47–88. DOI: 10.1093/cjip/pot019.

37. Johnston A.I. 2013. How new and assertive is China’s new assertiveness? *International Security*, vol. 37, no. 4, pp. 7–48.

38. Kaufman A.A. 2010. The ‘century of humiliation’, then and now: Chinese perceptions of the international order. *Pacific Focus*, vol. 25, no. 1, pp. 1–33. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2010.01039.x.

39. Kerr P., Harris S., Yaqing Q. 2008. *China’s new diplomacy: Tactical or fundamental change?* Basingstoke, Palgrave MacMillan.

40. Lam W.W.-L. 2007. *Chinese politics in the Hu Jintao Era: New leaders, new challenges*. New York, M.E. Sharpe. DOI: 10.2307/20066347.

41. Lang K. 2004. Did China's foreign policy really change in the post-Cold War era? *Taiwan Journal of Political Science*, no. 21, pp. 19–47. (In Chinese.)

42. Liu R., Liu F. 2016. To ally or not to ally? Debating China's non-alliance strategy in the 21st century. *Griffith Asia University. Working Paper Series*, no. 2.

43. Looz M. 2014. China's new assertiveness in foreign affairs. *Strategic Outlook*.

44. Mastro O.S. 2015. Why Chinese assertiveness is here to stay. *The Washington Quarterly*, vol. 37, no. 4, pp. 151–170. DOI: 10.1080/0163660X.2014.1002161.

45. Nien-Chung C.L. 2016. The sources of China's assertiveness: The system, domestic politics or leadership preferences? *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 817–833. DOI: 10.1111/1468-2346.12655.

46. Nien-Chung C.L. 2018. Winds of change: Assessing China's assertive turn in foreign policy. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 53, no. 6, pp. 880–895. DOI: 10.1177/0021909618762477.

47. Onnis B. 2014. The new 'selective diplomacy' of the People's Republic of China: Towards a 'partial' interference in global affairs? In: *The Quandaries of China's Domestic and Foreign Development*. Łódź, Łódź University Press, pp. 43–57.

48. Pang Z. 2020. From Tao Guang Yang Hui to Xin Xing. China's complex foreign policy transformation and Southeast Asia. *Trends in Southeast Asia*, no. 7. Singapore, ISEAS — Yusof Ishak Institute.

49. Poh A., Li M. 2017. A China in transition: The rhetoric and substance of Chinese foreign policy under Xi Jinping. *Asian Security*, vol. 13, no. 2, pp. 84–97. DOI: 10.1080/14799855.2017.1286163.

50. Qin Y. 2014. Continuity through change: Background knowledge and China's international strategy. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 7, no. 3, pp. 285–314. DOI: 10.1093/cjip/pou034.

51. Reeves J. 2013. China's unraveling engagement strategy. *The Washington Quarterly*, vol. 36, no. 4, pp. 139–149. DOI: 10.1080/0163660X.2013.861720.

52. Rosenau J.N. 1976. Restlessness, change and foreign policy analysis. In Rosenau J.N. (ed.). *Search of global patterns*. New York, Free Press, pp. 369–376.

53. Shi Y. 2018. Diplomacy with 'correct conception'. *ARCID China Update*, vol. 1, no. 1, pp. 99–101.

54. Sørensen C.T.N. 2015. The significance of Xi Jinping's 'Chinese dream' for Chinese foreign policy: From 'Tao Guang Yang Hui' to 'Fen Fa You Wei'. *Journal of China and International Relations*, vol. 3, no. 1, pp. 53–73. DOI: 10.5278/ojs.jcjr.v3i1.1146.

55. Yuyan Zhang (ed.). 2020. *Study on international politics in contemporary China*. Singapore, World Scientific Publishing Co.

56. Su C. 2009. On China's overseas interests. *World Economics and Politics*, no. 8, pp. 13–20.
57. Swaine M.D. 2010. China's assertive behavior. Part 1: On 'core interests'. *China Leadership Monitor*, no. 34.
58. Swaine M.D. 2011. China's assertive behavior. Part 2: The maritime periphery. *China Leadership Monitor*, no. 35.
59. Swaine M.D. 2012. China's assertive behavior. Part 3: The role of the military in foreign policy. *China Leadership Monitor*, no. 36.
60. Turcsányi R.Q. 2018. The puzzle of Chinese assertiveness. In: *Chinese assertiveness in the South China Sea*. Springer International Publishing, pp. 1–29.
61. Volgy T.J., Schwarz J.E. 1994. Foreign policy restructuring and the myriad webs of restraint. In: Rosati J.A., Hagan J.D., Sampson M.W. III (eds.). *Foreign policy restructuring: How governments respond to global change*. Columbia, S.C., University of South Carolina Press, pp. 22–42.
62. Wang H. 2014. From 'Taoguang Yanghui' to 'Yousuo Zuowei': China's engagement in financial multilateralism. *CIGI Paper*, no. 52, pp. 1–10.
63. Xiong G. 2010. China's diplomatic strategy: Implication and translation of 'Tao Guang Yang Hui'. *International Strategic Studies*, no. 4, pp. 1–4.
64. Xu J. 2016. Debates in IR academia and China's policy adjustments. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 9, no. 4, pp. 459–485. DOI: 10.1093/cjip/pow014.
65. Xu J., Du Z. 2015. The dominant thinking sets in Chinese foreign policy research: A criticism. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 8, no. 3, pp. 251–279. DOI: 10.1093/cjip/pov002.
66. Xuetong Y. 2014. From keeping a low profile to striving for achievement. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 7, no. 2, pp. 153–184. DOI: 10.1093/cjip/pou027.
67. Xuetong Y. 2013. New values for new international norms. *China International Studies*, vol. 38, no. 1, pp. 15–28.
68. Ye Z. 2002. On 'keeping a low profile' and 'get some things done'. *Pacific Journal*, no. 1, pp. 62–66.
69. Zhang B. 2010. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications. *Journal of Current Chinese Affairs*, vol. 39, no. 2, pp. 39–68. DOI: 10.1177/186810261003900202.
70. Zhang F. 2012. The Tsinghua approach and the inception of Chinese theories of international relations. *Chinese Journal of International Politics*, vol. 5, no. 1, pp. 73–102. DOI: 10.1093/cjip/por015.
71. Zhang J. 2014. The domestic sources of China's more assertive foreign policy. *International Politics*, vol. 51, no. 3, pp. 390–397. DOI: 10.1057/ip.2014.11.
72. Zhang S. 2009. Diplomatic management of national overseas interests. *World Economics and Politics*, no. 8, pp. 6–12.

73. Zhao S. 2011. China's new foreign policy 'assertiveness'. Motivations and implications. *ISPI Analysis*, no. 54, pp. 1–6.

74. Zheng C. 2016. China debates the non-interference principle. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 9, no. 3, pp. 349–374. DOI: 10.1093/cjip/pow010.

75. Zhou F. 2016. Between assertiveness and self-restraint: Understanding China's South China Sea policy. *International Affairs*, vol. 92, no. 4, pp. 869–890. DOI: 10.1111/1468-2346.12657.

76. Zhu L. 2010. China's foreign policy debates. *ISS. Chaillot Papers*, no. 121.

77. Zhu Z. 2019. A critical decade. China's foreign policy (2008–2018). *Series on Contemporary China*, vol. 46.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020; одобрена после рецензирования 25.03.2021; принята к публикации 23.09.2021.

The paper was submitted 03.12.2020; approved after reviewing 25.03.2021; accepted for publication 23.09.2021.